

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Самина Азаматовна Нуримова

студентка магистратура по направлению “Факультет теории и практики применения
уголовного законодательства”,

Ташкентского Государственного Юридического Университета.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19800179>

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу становления и развития институтов предварительного следствия и дознания на территории современного Узбекистана. Последовательно рассматриваются три этапа их эволюции: традиционное шариатское судопроизводство, трансформация следственных функций в колониальный период, а также реформирование уголовно-процессуального законодательства после обретения независимости. Особое внимание уделяется реформе 2017 года, закрепившей за дознанием статус самостоятельной формы досудебного расследования и породившей актуальные вопросы разграничения полномочий между следствием и дознанием.

Ключевые слова: предварительное следствие, дознание, досудебное расследование, уголовный процесс, Республика Узбекистан, разграничение полномочий.

Abstract. The article examines the historical and legal development of the institutions of preliminary investigation and inquiry on the territory of modern Uzbekistan. Three stages of their evolution are consistently analysed: traditional Sharia-based proceedings, the transformation of investigative functions during the colonial period, and the reform of criminal procedure legislation following independence. Special attention is given to the 2017 reform, which established inquiry as an independent form of pre-trial investigation and gave rise to pressing questions concerning the delimitation of powers between investigation and inquiry bodies.

Keywords: preliminary investigation, inquiry, pre-trial investigation, criminal procedure, Republic of Uzbekistan, delimitation of powers.

Исследование современного состояния предварительного следствия и дознания в уголовном процессе Республики Узбекистан невозможно без обращения к историческим истокам формирования данных форм на территории региона. Правовые традиции, складывавшиеся на протяжении столетий, неизбежно оказали влияние на архитектуру современного уголовно-процессуального законодательства, а потому историко-правовой анализ представляет не только академический, но и сугубо практический интерес. До установления российского колониального управления в Средней Азии судопроизводство на территории нынешнего Узбекистана строилось на основе норм шариата и одата.

Центральным звеном судебной системы являлись суды казиев — духовных судей, действовавших в рамках исламского права. Казии осуществляли как судебные, так и следственные функции, совмещая в одном лице орган, управомоченный устанавливать обстоятельства дела, оценивать доказательства и выносить решение. Подобная нераздельность функций расследования и правосудия являлась характерной чертой традиционной мусульманской юстиции, в которой самостоятельного института предварительного расследования в его современном понимании не существовало.

Назначение казиев, их отстранение от должности и определение их количества являлись исключительной прерогативой верховного правителя — хана, а в ряде случаев — беков.¹ Тем самым следственно-судебная деятельность была органически встроена в систему ханской власти и не обладала сколько-нибудь выраженной процессуальной самостоятельностью. Разграничения между дознанием и предварительным следствием и в том смысле, который вкладывает в эти понятия современная уголовно-процессуальная наука, институционально закреплено не было.

Принципиальные изменения в регионе наступили в результате завоевания Средней Азии Российской империей. После образования в 1865 г. Туркестанской области, а затем — в 1867 г. — Туркестанского генерал-губернаторства колониальная администрация приступила к планомерной реорганизации местной судебной системы. На начальном этапе, опираясь на опыт управления и иными территориями с преимущественно мусульманским населением, царская администрация избрала тактику постепенного встраивания традиционных институтов в общеимперскую правовую систему, а не их немедленного упразднения. Согласно «Положению» от 6 августа 1865 г. в крае были введены военный, казийский и бийский суды. При этом была упразднена должность кази-каляна, а права всех казиев и биев уравниены. Существенно, что деятельность судей отныне ограничивалась трёхлетним сроком полномочий и строго установленной территорией компетенции.

Судьи лишались права приговора к смертной казни и иным тяжким наказаниям, а принятие окончательного решения по рассмотренным делам переходило в ведение военного губернатора. Уже здесь отчётливо прослеживается зарождение модели, при которой орган, ведущий расследование и рассмотрение дела, утрачивает полноту юрисдикции: итоговое решение выносится вышестоящей властью — что в известной мере предвосхищало будущее разделение следственных и судебных функций. Согласно проекту «Положения» 1867 г., в крае одновременно действовали три самостоятельных института судебной власти: военный суд, русский суд, руководствовавшийся общеимперским законодательством, и народный суд. Разграничение предметной подсудности между ними представляет особый интерес с точки зрения генезиса следственных функций. В компетенцию военных судов входили государственная измена, нападения на почту и военный транспорт, убийства должностных лиц. Русский суд рассматривал дела о грабежах, воровстве, нападениях на торговые караваны, подделке денег и убийствах.

Казийским и бийским судам отводился более узкий круг дел — брачно-семейные отношения и земельно-водные споры.² Показательно, что уже на данном этапе прослеживается дифференциация не только судебных, но и — косвенно — следственных полномочий в зависимости от характера и тяжести деяния.

С обретением Республикой Узбекистан независимости в 1991 году перед законодателем встала задача принципиального пересмотра всей системы уголовного судопроизводства, унаследованной от советского периода. Прежняя процессуальная модель, сложившаяся в условиях иной государственно-политической системы, объективно не отвечала требованиям строящегося правового государства и нуждалась в системном

¹ Тиллабаев.С.Б. Евразийский научный журнал. Системы управление и судебные дело Средней Азии

² Тиллабаев.С.Б. Евразийский научный журнал. Системы управление и судебные дело Средней Азии

реформировании с учётом как международных стандартов в области прав человека, так и национальных правовых традиций.

Ключевым законодательным актом нового этапа стало принятие в 1994 году Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан. Вместе с тем, как обоснованно указывает Д.Ж. Суюнова, в эпоху становления республики как молодого независимого государства многие положения уголовно-процессуального законодательства всё ещё содержали существенное сходство с ранее существовавшим порядком уголовного судопроизводства.³ Это наблюдение в полной мере относится к соотношению дознания и предварительного следствия: на начальном этапе независимости дознание сохраняло характер вспомогательной, подготовительной деятельности по отношению к следствию, не обладая самостоятельным процессуальным значением. По существу, разграничение полномочий между этими двумя формами расследования оставалось весьма условным, а процессуальная самостоятельность органов дознания — ограниченной.

Следует также обратить внимание на историческую ретроспективу самого института дознания как одной из форм предварительного расследования применительно к территории Республики Узбекистан. Как отмечает Ш. Файзиев, сведений об институте дознания на данной территории до второй половины XIX века практически не обнаруживается: сам термин «дознание» впервые был использован в судебных документах лишь в 1864 году, а соответствующая деятельность представляла собой не более чем проверочную функцию административной полиции, лишённую процессуального характера и законодательного регулирования.⁴ Это обстоятельство объясняет, почему в УПК 1994 года закрепление дознания как самостоятельной формы предварительного расследования с чётко определёнными сроками, перечнем уполномоченных органов и процедурами стало подлинным процессуальным достижением. По оценке Г.З. Тулагановой, данный шаг стал важным элементом демократизации уголовного процесса, усилив значение процессуальных гарантий и обеспечив правовую защищённость участников судопроизводства.⁵

Динамика реформирования уголовно-процессуального законодательства в годы независимости отличалась высокой интенсивностью. В научных трудах исследователя Б.Б. Хидояттов, только в Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 года за прошедшие годы было внесено около 70 изменений и дополнений⁶ — свидетельство того, что законодатель последовательно реагировал на трансформирующиеся общественные отношения и новые вызовы правоприменительной практики. При этом центральным вектором реформирования неизменно оставалось совершенствование механизмов досудебного расследования, прежде всего — уточнение соотношения и разграничения полномочий между предварительным следствием и дознанием.

Принципиальный важный сдвиг в правовой природе института дознания был обеспечен принятием Закона Республики Узбекистан от 6 сентября 2017 года № ЗРУ-442 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики

³ <https://yuz.uz/ru/news/stanovlenie-ugolovno-protsessualnogo-prava-nezavisimogo-uzbekistana>

⁴ Файзиев.Ш.Ф «Вопросы исторического развития дознания в Узбекистане» / Уголовное право и уголовный процесс.

⁵ Тулаганов Г.З. Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Узбекистана. — Ташкент, 2017.

⁶ Б.Хидояттов (2018). Концептуальные основы развития Уголовного Законодательства Республики Узбекистан. Review of law sciences, (4), 82-87. doi: 10.24412/2181-1148-2018-4-82-87

Узбекистан в связи с совершенствованием института дознания»⁷. Внесённые данным законом изменения в УПК кардинально трансформировали содержание и процессуальное значение дознания, закрепив за ним статус самостоятельной формы расследования уголовных дел. В результате реформы была существенно перераспределена процессуальная нагрузка между органами дознания и предварительного следствия. Законодатель прямо предусмотрел, что по ряду категорий преступлений производство может полностью завершаться на стадии дознания без обязательной передачи дела следователю — что ранее являлось общим правилом. Тем самым был осуществлён переход от вспомогательной модели дознания к модели самостоятельного досудебного производства, обладающего завершённым процессуальным циклом. Именно это преобразование породило комплекс актуальных теоретических и практических вопросов о соотношении и разграничении полномочий органов дознания и предварительного следствия.

Таким образом, исторический анализ развития правового регулирования предварительного следствия и дознания на территории Узбекистана позволяет выделить три качественно различных этапа: традиционное шариатское судопроизводство, не знавшее институционального разграничения следственных функций; колониальный и советский периоды, заложившие организационные основы раздельного функционирования следствия и дознания; и наконец, постсоветский этап, в ходе которого дознание эволюционировало от вспомогательного инструмента к самостоятельной процессуальной форме. Именно эта эволюция предопределяет актуальность проблемы разграничения полномочий предварительного следствия и дознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тиллабаев.С.Б. Евразийский научный журнал. Системы управление и судебные дело Средней Азии.
2. Файзиев.Ш.Ф «Вопросы исторического развития дознания в Узбекистане» / Уголовное право и уголовный процесс.
3. Тулаганов Г.З. Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Узбекистана. — Ташкент, 2017.
4. Б.Хидоятов (2018). Концептуальные основы развития Уголовного Законодательства Республики Узбекистан. Review of law sciences, (4), 82-87. doi: 10.24412/2181-1148-2018-4-82-87

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

5. https://yuz.uz/ru/news/stanovlenie-ugolovno-protsessualnogo-prava_nezavisimogo-uzbekistana
6. <https://lex.uz/ru/docs/3328286>

⁷ <https://lex.uz/ru/docs/3328286>